

Чи Чэн пораженно замер.

— Да, три года назад история с твоим тюремным заключением наделала много шума, СМИ трубили об этом на каждом углу. Кто-то рассказал об этом на стриминговой платформе, и так вышло, что мой брат увидел трансляцию. Именно с того момента у него и начала развиваться вторая личность...

— Вторая личность? — Цзян Сяошуай судорожно вздохнул, чувствуя, как Лэ Ци рушит всё его мировоззрение.

Тяжелая депрессия, галлюцинации, а теперь еще и раздвоение личности. Что же он пережил?

У Совэй перевел взгляд на Чи Чэна, и они обменялись полными ужаса взглядами. Больные депрессией обычно вредят только себе, но с раздвоением личности всё иначе — такой человек может в любой момент наброситься на окружающих.

Словно почувствовав их тревогу, Лэ Хао поспешил оправдать брата:

— Не бойтесь. Несмотря на болезнь, Лэ Ци никогда никого не обидит. Психиатры подтвердили, что его вторая личность — это шестнадцати-семнадцатилетняя девушка. Она очень добрая и не способна причинить вред.

Девушка.

Цзян Сяошуай вспомнил жеманные манеры Лэ Ци, и странное чувство неловкости наконец отступило. Неудивительно, что здоровенный детина ростом под два метра вел себя подобным образом — во всем виновата вторая личность. Теперь он не только перестал раздражаться на манерность Лэ Ци, но даже проникся к нему жалостью.

У Совэй, заметив, как тяготится Лэ Хао, затянулся сигаретой, быстро докурил и затушил окурки. Он повернулся, взял со стола пепельницу и протянул ему. Поколебавшись, он спросил:

— Лэ Ци сам знает об этом?

— Спасибо, — Лэ Хао принял пепельницу, вдавил в нее окурок, и в его глазах застыла невыразимая печаль. — Он знает, но не признает. Все время твердит, что попал сюда из книги, говорит, что знаком с вами и господином Чи, и требует отправить его обратно на родину, чтобы найти вас.

Рука У Совэй, державшая пепельницу, дрогнула, едва не выронив её. Чи Чэн подхватил её, поставил на стол и, обняв У Совэй за плечи, начал успокаивать:

— Вэйвэй, послушай сначала господина Лэ до конца, не накручивай себя.

У Совэй не ответил. Он вцепился в рукав Чи Чэна, дрожа всем телом, словно погрузившись в те горькие времена, когда умерла его мать.

— Я наводил справки, — продолжил Лэ Хао. — Увидев ту самую трансляцию о заключении господина Чи, он начал собирать информацию о вас, поэтому... — Лэ Хао запнулся, не договорив до конца.

Но трое присутствующих уже поняли, к чему он клонит. Проницательный взгляд Чи Чэна не отрывался от Лэ Хао ни на секунду. Он чувствовал, что тот говорит правду, и история с Лэ Ци, скорее всего, реальна. Но он не собирался рисковать. Он тем более не хотел, чтобы его драгоценный Вэйвэй контактировал с этой ходячей бомбой замедленного действия.

Поколебавшись, Чи Чэн отрезал:

— Господин Лэ, что касается контракта, который вы вчера подписали с Вэйвэем...

У Совэй ущипнул его, бросив недовольный взгляд. Бизнес есть бизнес, клиент есть клиент, как можно смешивать одно с другим?

Чи Чэн покрепче прижал его к себе, не обращая внимания на возмущение:

— Я считаю...

Лэ Хао внезапно поднялся, облизал пересохшие губы. В его поведении не осталось и следа вчерашней воинственности. Сбавив тон, он произнес:

— Господин Чи, я понимаю ваши опасения. Прошу вас, умоляю, позвольте господину У завершить этот контракт. Врачи говорят, что это очень поможет моему брату. Я готов заплатить двойную цену. Нет, тройную...

— Господин Лэ, ваш брат — зеница вашего oka, но Вэйвэй — мой любимый человек. Я не позволю ему подвергать себя хоть малейшему риску. На этом разговор окончен.

Чи Чэн не оставил Лэ Хао ни единого шанса и, обняв У Совэя, направился к выходу. У Совэй попытался что-то сказать, но Чи Чэн прижал ладонь к его губам.

Лэ Хао сжал кулаки и застыл на месте, словно еще не оправившись от внезапной вспышки гнева Чи Чэна. Цзян Сяошуай неловко улыбнулся и, засунув руки в карманы, попытался сгладить углы:

— Господин Лэ, вы поступили не совсем честно. Раз уж у младшего господина Лэ такая нестабильная психика, следовало предупредить партнеров заранее. Это вопрос безопасности, согласитесь?

Лэ Хао промолчал и, понуриив голову, вышел из клиники. У Совэй стоял у панорамного окна и

смотрел, как отъезжает машина. Когда стекло опустилось, на мгновение мелькнуло очаровательное лицо Лэ Ци, надувшего губы так, что на них можно было вешать ведра.

Чи Чэн обнял У Совэй со спины, положил подбородок ему на плечо и зашептал:

— Малыш, я понимаю, что ты сочувствуешь Лэ Ци, но он действительно опасен...

У Совэй дернул плечом, пытаясь стряхнуть его, но тот прилип, как осьминог.

— Я слышал, что при раздвоении личности их может быть десятки. Откуда ты знаешь, что у него не припрятана третья, четвертая, пятая... восьмая личность?

Скрип...

Услышав, как У Совэй скрипит зубами, Чи Чэн умолк и, повернувшись, с силой чмокнул его в шею.

— Чи Чэн, ты хоть понимаешь, сколько компания могла бы заработать на этом заказе? Ты хоть знаешь, в каком упадке сейчас фирма и сколько конкурентов появилось в городе? Ты как хозяин, который не знает цены хлебу! А мне еще зарплату сотрудникам платить, премии выдавать...

Видя, что супруг разошелся не на шутку, Чи Чэн почувствовал, как сердце уходит в пятки. Он поцеловал его в вечно ворчащие губы, и, как бы У Совэй ни сопротивлялся, крепко прижал его к себе, не отпуская.

Го Чэнъюй, вошедший в кабинет с контейнерами еды, поморщился от такой картины, но не удержался от комментария:

— Эй, нацеловались? Если закончили, давайте обедать.

Закатив глаза, он покачиваясь подошел к Цзян Сяошуаю, сидевшему за компьютером:

— Тоже мне, нашли место для нежностей... Пф-ф...

У Совэй густо покраснел и со всей силы ущипнул Чи Чэна за руку. Тот потер ушибленное место и, сверкнув недобрым взглядом в сторону Го Чэнъюя, пробормотал:

— Черт, вечно все портит.

— Шуай-шуай, обедать, — по сравнению с Чи Чэном, Го Чэнъюй мгновенно превратился в заботливого и нежного домоседа, потряхивая контейнерами.

— Господин Го пришел? — сотрудники клиники начали здороваться, переглядываясь с понимающими улыбками.

Цзян Сяошуай оторвался от компьютера, поднялся и, потянув Го Чэньюя за собой вглубь помещения, начал что-то оживленно рассказывать. Чи Чэн, обнимая У Совэя, понял, что эти двое надолго застряли в разговорах, и в его глазах мелькнула хитринка.

— Вэйвэй, хочешь устроить ужин при свечах?

У Совэй поднял голову, и его мрачное выражение лица вмиг сменилось сияющей улыбкой:

— С удовольствием!

Чи Чэн подхватил контейнеры и, обняв У Совэя, пошел к выходу. Как только машина выехала на шоссе, раздался долгожданный звонок.

— Чи Чэн, ты, придурок, накрыл на стол, а для Шуай-Шуая оставить не догадался? Я это запомнил!

Чи Чэн взглянул на У Совэя, который как раз открыл контейнер, чтобы проверить содержимое, и не удержался, взъерошив ему волосы:

— Чего ты мелешь? Неужели трудно приготовить еще пару блюд? Жадина.

— Это я жадина... — раздался в трубке яростный голос Го Чэньюя, за которым последовал поток ругательств. Чи Чэн не стал сбрасывать звонок, с улыбкой слушая тираду до конца, и на душе у него стало удивительно легко.

Лэ Хао звонил больше десяти раз, и только когда Го Чэньюй наконец выговорился, Чи Чэн под пристальным взглядом больших влажных глаз У Совэя неохотно нажал кнопку ответа.

<http://bllate.org/book/19184/1883445>